

ЭЛАТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ *ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. И. Давидюк

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
rachekit@yandex.ru

К. А. Студеникина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
xeanst@gmail.com

Аннотация. Горномарийский элативный послелог *gäs* может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах физического контакта (при таких глаголах как ‘бить’ (например, по спине), ‘гладить’ (по ноге), ‘держать’ (за руку)). В послеложных конструкциях с таким значением наблюдается подъем посессора. В настоящей работе выдвигается гипотеза о том, что элативный показатель развивает значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ из значения ЭЛЕКТИВА, предполагающего, что часть, с которой осуществляется контакт, выбирается из целого множества, находящегося в позиции прямого дополнения. Данная гипотеза подтверждается набором посесивных отношений, для которых возможен подъем посессора.

Ключевые слова: горномарийский язык, элатив, точка приложения, подъем посессора.

Elative marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari

T. I. Davidyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow
rachekit@yandex.ru

K. A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow
xeanst@gmail.com

Abstract. The three spatial cases traditionally identified in Hill Mari (< Mari < Finno-Ugric < Uralic) are the inessive, the illative, and

the lative. Elative meaning is expressed by the postposition *gäc* with broad and often non-trivial polysemy: it can, surprisingly, express both Source point and (its opposite) Contact point meaning. The latter is only found in constructions with physical contact verbs, for example, ‘hit [in the back]’, ‘pat [on the knee]’, ‘hold [the hand]’. Postpositional phrases in such constructions are subject to possessor raising.

This paper looks into the polysemy of the elative postposition *gäc* in general, and into its (non-trivial for elative markers) Contact point meaning in particular. The second focus of this article is on constructions with physical contact verbs and on a range of possessive relations which enable possessor raising. Semantic and syntactic restrictions on such constructions are identified, and tentative explanations for the postposition’s polysemy are proposed. The hypothesis is that the Contact point meaning has developed from the Selection from a set meaning, whereby the contacted point of the direct object is selected as a part of the whole. This hypothesis is corroborated by a range of possessive relation types that can be expressed by *gäc*-constructions and involve prototypical whole — part relations (‘Possessor — Body part’, ‘Whole — Part’, ‘Possessor — Possessed’), though in physical contact situations only, excluding those emerging in family or social relations.

The material for this paper was collected during field trips to the village of Kuznetsovo and nearby villages in Mari El Republic, Russia in 2016–2017. The main method used for data collection was elicitation. We also used corpus data which includes texts recorded during field trips (ca. 30,000 tokens).

Keywords: Hill Mari, elative, Contact point, possessor raising.

1. Введение

В горномарийском языке традиционно выделяют три локативных падежа: инессив (местный), иллатив (направительный) и латив (обстоятельственный); элативное значение выражается послелогом *gäc* (см. подробнее в грамматиках [Саваткова 2002] и [Alhoniemi 1993]). Этот послелог развивает обширную и не всегда тривиальную полисемию — так, выражая значение исходной точки, он передает и отчасти противоположное элативному значению ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах физического контакта

(‘бить’ (по голове), ‘гладить’ (по руке) и др.). В последнем случае в именных группах, выражающих посессивное отношение (*рука Пети*) и являющихся зависимыми таких глаголов, происходит подъем посессора. Цель настоящей статьи состоит, во-первых, в рассмотрении полисемии *gǎc* с особым вниманием к указанному нетривиальному семантическому развитию, и, во-вторых, в анализе посессивных отношений, при которых оказывается допустим подъем посессора при глаголах, присоединяющих маркированное данным послелогом зависимое. Мы сформулируем синтаксические и семантические ограничения на использование такой конструкции и предложим гипотезу, объясняющую механизм ее развития.

Данные для настоящей работы были собраны нами в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2016–2017 гг. в Горномарийский р-н Республики Марий Эл (с. Кузнецово, д. Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды и Кожланангер)¹. При сборе материала мы в основном применяли метод элицитации. Кроме того, в данном исследовании был задействован корпус записанных в экспедиции горномарийских текстов, содержащий на данный момент более 30 тыс. словоформ.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 с привлечением типологического фона описана полисемия послелога *gǎc*. В разделе 3 анализируются свойства конструкции с *gǎc*, выражающей значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. На основе этого анализа высказываются предположения о путях развития данной конструкции. Раздел 4 представляет основные итоги исследования.

2. Послелог *gǎc* в горномарийском языке

2.1. Полисемия *gǎc*

Основное значение послелога *gǎc* — исходная точка (1), однако при этом он характеризуется достаточно широкой сетью полисемии в непространственных значениях (см. примеры (2)–(8)).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627. Более подробно о лингвистической экспедиции в Горномарийский р-н см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

- (1) ИСХОДНАЯ ТОЧКА
tädä šərgə gəc tol-ən
 он лес EL идти-PRET
 ‘Он пришел из леса’.
- (2) ТОЧКА ОТСЧЕТА²
mən'-ən toma-em gəc tən'-ən toma-et
 я-GEN дом-POSS.1SG EL ты-GEN дом-POSS.2SG
jakte ik kilometər
 до один километр
 ‘От моего дома до твоего дома один километр’.
- (3) НАЧАЛО ВРЕМЕННОГО ОТРЕЗКА
ät'ä tən'-əm əndekš cäš gəc vəc-a
 отец ты-ACC девять час EL ждать-NPST.3SG
 ‘Отец ждет тебя с девяти часов’.
- (4) ПАССИВНЫЙ ИСТОЧНИК
mən' podark-əm əzä-m gəc
 я подарок-ACC старший.брат-POSS.1SG EL
näl-ən-əm
 брать-PRET-1SG
 ‘Я получил от брата подарок’.
- (5) ЭТАЛОН СРАВНЕНИЯ
ti kornə tə kornə gəc vəc
 этот дорога тот дорога EL пять
uštāš-eš kužə-rak
 километр-LAT длинный-CMPR
 ‘Эта дорога длиннее той дороги на пять километров’.
- (6) МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
paškudə toma-m kərpəc gəc stroj-en
 сосед дом-ACC кирпич EL строить-PRET
 ‘Сосед построил дом из кирпича’.
- (7) ЭЛЕКТИВ
vəc tärelkä gəc ik-tə-žə
 пять тарелка EL одна-FULL-POSS.3SG

² Названия семантических ролей взяты нами из работы [Ганенков 2002a].

pə̀d̪ɑ̀rg-en

биться-PRÉT

‘Из пяти тарелок одна разбилась’.

Наиболее интересным представляется значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ (8), т. к. в работах, посвященных полисемии пространственных показателей (см., например, [Ганенков 2002а; Creissels 2006; 2008]), подобное значение у элатива не фиксируется, тогда как другие значения, характерные для горномарийского послелого и перечисленные нами выше, довольно частотны в языках мира. В работе [Levin 2012] о глаголах удара в различных языках также не говорится о возможности маркирования ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ элативным показателем.

(8) ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ

mən' pet'a-m kid-šə gəc

я Петя-ACC рука-POSS.3SG EL

sev-äl'-ə

бить-ATT-AOR.3SG

‘Я ударил Петю по руке’.

2.2. Пролативная гипотеза

Согласно [Ганенков 2002b], часто в языках значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ может выражаться пролативным показателем. Объясняется это тем, что «воздействие на определенную часть Пациенса зрительно представляется в виде линии или ограниченного участка поверхности» ([Там же: 47]). В горномарийском языке пролативный послелог *mə̀čkə* (9) действительно может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ (10). При этом послелог *gəc*, как показано в (9), не используется в пролативной функции.

(9) *pet'a kornə məčkə / #gəc tol-eš*

Петя дорога по EL идти-NPST.3SG

‘Петя идет по дороге’.

(10) *mən' pet'a-m kid-šə məčkə*

я Петя-ACC рука-POSS.3SG по

sev-äl'-ə

бить-ATT-AOR.3SG

‘Я ударил Петю по руке’.

Более пристальный взгляд на дистрибуцию пролативного послелого в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ показывает, что контексты употребления *gäs* и *măčkă* хоть и пересекаются, но не совпадают полностью. Для послелого *măčkă* важна идея продолжительного контакта, что вытекает из его исходного пролативного значения. В [Ганенков 2002b: 47–48] эта особенность употребления пролативных маркеров в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ охарактеризована как степень «затронутости объекта». Она проявляется в том, что для определенных глаголов при маркировании точки приложения, помимо пролатива, допустим и какой-либо другой падеж, а выбор конкретного падежа зависит от того, какой компонент значения оказывается важнее. Так, например, для объекта при глаголе *держать* в эвенском языке выбирается датив в том случае, если обозначается сам факт взаимодействия с объектом; однако если подчеркивается, что воздействие оказывается на весь объект, выбирается пролатив [Новикова 1960: 201, 214].

Важность семантического компонента длительности контакта с объектом в горномарийском языке проявляется в следующем. Во-первых, объект, к которому прикладывается сила, должен быть достаточно большим, чтобы было возможно не только точечное, но и более протяженное по площади приложения воздействие. Так, при описании ситуации удара с помощью послелого *măčkă* невозможно ввести такой объект, как глаз, поскольку воздействие на него может быть только точечным. Однако удар по части тела большего размера, на которую возможно более протяженное по площади приложения воздействие (живот, рука, нога), можно описать с помощью послелого *măčkă* (11). У послелого *gäs* таких ограничений нет (12).

- (11) *män'* *pet'a-m* *măškâr-žă*
 я Петя-ACC живот-POSS.3SG
/kid-šă */jal-žă* */*sänzä-žă*
 рука-POSS.3SG нога-POSS.3SG глаз-POSS.3SG
măčkă *sev-äl'-ă*
 по бить-ATT-AOR.3SG
 'Я ударил Петю по животу / руке / ноге / *глазу'.

- (12) *män'* *pet'a-m* *mâškâr-žâ*
 я Петя-ACC живот-POSS.3SG
/kid-šâ */jal-žâ* */sänzä-žâ*
 рука-POSS.3SG нога-POSS.3SG глаз-POSS.3SG
gâc *sev-äl'-ä*
 EL бить-ATT-AOR.3SG
 'Я ударил Петю по животу / руке / ноге / глазу'.

Если же протяженная площадь контакта с объектом невозможна в силу того, что сам глагол обозначает точечное действие, ситуация, вводимая послелогом *mâčkâ*, должна быть повторяющейся (и тем самым «растянутой» во времени), что выражается в возникновении аспектуальных ограничений на глагол, управляющий послелогом. Из-за того, что точечный контакт с объектом повторяется несколько раз, подверженными воздействию оказываются многие части объекта. Так, ситуации, описываемые глаголами *pâralaš* 'кусать', *šêraš* 'колоть', *šêpšalaš* 'целовать', *šêpšedäš* 'дергать', предполагают точечный контакт, и их употребление с послелогом *mâčkâ* невозможно при наличии модификатора *ik gänä* 'один раз' (13). Однако при оформлении глагола суффиксом глагольной множественности, вводящим повторяющуюся ситуацию, или при использовании глагола в составе сложного глагольного комплекса с грамматикализованным предикатом *šändäš*, указывающим на высокую степень полноты охвата объекта, маркирование объекта послелогом *mâčkâ* оказывается возможно (14): точечный контакт повторяется, воздействие производится на множественные части объекта, подчеркивается семантический компонент «затронутости», необходимый для употребления пролативного маркера в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. Для употребления послелога *gâc*, как видно из (15), перечисленные ограничения нерелевантны.

- (13) *pi* *vas'a-m* *kid-šâ* *gâc* */*mâčkâ*
 собака Вася-ACC рука-POSS.3SG EL по
pâr-ân *ik* *gänä*
 кусать-PRET один раз
 'Собака укусила Васю за руку один раз'.

- (14) *pi* *vas'a-m* *jal-žâ* *măčkâ* *pâr-ân*
 собака Вася-ACC нога-POSS.3SG по кусать-CVB
šänd-en / *pâr-edäl-ân* / **pâr-ân*
 сажать-PRET кусать-ITER1-PRET кусать-PRET
 ‘Собака много раз кусала Васю за ногу / *потрогала Васе ногу’.
- (15) *pi* *vas'a-m* *jal-žâ* *găc* *pâr-ân*
 Петя Вася-ACC нога-POSS.3SG EL кусать-CVB
šänd-en / *pâr-edäl-ân* / *pâr-ân*
 сажать-PRET кусать-ITER1-PRET кусать-PRET
 ‘Собака много раз кусала Васю за ногу / потрогала Васе ногу’.

На синхронном уровне, как видно из изложенного выше, послелог *găc* не связан с пролативной зоной. Однако в языках мира, согласно результатам подробного исследования [Noonan, Mihas 2007], распространен случай выражения одним показателем аблативного и пролативного значений, при этом исходным для такого показателя может быть как первое, так и второе значение [Ганенков 2002b: 42–43]. Для того чтобы выяснить, действительно ли *găc* не имеет связи с пролативом, мы обратились к диахронии и данным языков, родственных горномарийскому. Так, в [Alhoniemi 1975] и [Зорина 2002: 38] отмечается древнее аблативное происхождение послелога *găc*. Галкин [Галкин 1964: 24] причисляет к когнатам данного послелога показатели финского аблатива и элатива (*-sta* / *-stä* и *-lta* / *-ltä*), мордовского аблатива (*-cmV*) и удмуртского элатива (*-(ы)сб*). Проанализировав грамматики перечисленных языков (для финского были использованы грамматики [Накулинен 1961; Karlsson 1999], для мордовских языков — [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962], для удмуртского языка — [Алатырев 1983; Winkler 2001]), мы не обнаружили случаев употребления данных показателей в пролативном значении. Следовательно, гипотеза о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ развилось у послелога *găc* из-за его возможного пролативного происхождения, не имеет каких-либо надежных подтверждений.

2.3. Данные типологии

Тем не менее возможность маркирования точки приложения показателями, которые в пространственной сфере имеют исходное значение, наблюдается и в других уральских языках:

ФИНСКИЕ ГОВОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

[Федотов 2012: 421]

- (16) *koira purrò / pūr minnù kiäë-st*
собака кусать.3SG кусать.PST.3SG я.PART рука-EL
/jala-st
нога-EL
‘Собака кусает / укусила меня за руку / за ногу’.

ЭРЗЯНСКИЙ [Цыганкин (ред.) 1980: 165]

- (17) *вить кед-не-де саем-ак*
правый рука-POSS.1PL-ABL брать-IMP.2SG.S:1SG.O
сур пиря-до кундам-ак
палец кончик-ABL поймать-IMP.2SG.S:1SG.O
‘За правую ручку возьми-ка меня, за кончики пальцев схвати-ка меня’.

МОКШАНСКИЙ [Там же]

- (18) *сембо-нь мархта кядь-та кунда-зь*
все-GEN с рука-ABL ловить-CONV
шумбракине-сь
здороваться-PST.3SG
‘Со всеми здоровался за руку (букв.: беря за руку)’.

ЭНЕЦКИЙ [Сорокина 2010: 91]

- (19) *уза-ха-да моза-сь кадаза-сь*
рука-ABL-POSS.3SG взять-PST увести-PST
‘За руку его взяла и увела’.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ [Кошкарёва (общ. ред.) 2010: 248]

- (20) *тикавахад нуда-н-да тарка-д*
тогда рука-GEN-POSS.3SG палец-ABL
нямада солам-ба ханада
взять прицепить-DUR повести
‘Тогда она взяла его за руку (букв.: за палец руки) и повела’.

Также данные о маркировании аблативом ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ приведены в работе [Холодилова 2009], которая будет обсуждаться нами далее в связи с похожими свойствами калмыцкого аблатива и горномарийского элатива:

- КАЛМЫЦКИЙ [Холодилова 2009: 80]
- (21) *mini ür-igə noxa köl-äsə-n' zuu-və*
 я.GEN друг-ACC собака нога-ABL-P.3 кусать-PST
 ‘Собака укусила моего друга за ногу’.

2.4. Возможное объяснение

Наша гипотеза состоит в том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного показателя могло развиться из значения ЭЛЕКТИВА (7). В некоторых языках, отмеченных в предыдущем разделе, также наблюдается совмещение в одном показателе значений ЭЛЕКТИВА и ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ.

ФИНСКИЕ ГОВОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ
 [Федотов 2012: 402]

- (22) *hiä ol' rikka-i-st ihmis-ì-st*
 он(а) быть.PST.3SG богатый-PL-EL человек-PL-EL
 ‘Он был из богатых людей’.

- ЭНЕЦКИЙ [Сорокина 2010: 90]
- (23) *чукчи кару-хуз модь бэйси комита-з*
 весь рыба-ABL.PL я щука.ACC любить-1SG.S
 ‘Из всех рыб я люблю больше всего щуку’.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ [Кошкарёва (общ. ред.) 2010: 179]

- (24) *мань куптанайи мяя-та-м*
 я раньше невестка-DEST-ACC
мы-ца-т тэма-хат
 взять-AOR-1SG богатый-ABL
 ‘Раньше я невестку брал из богатых’.

- КАЛМЫЦКИЙ [Холодилова, л. с.]
- (25) *sül gör-äsə-m ter gi-käd*
 последний чаяние-ABL-P.1SG тот говорить-CV.ANT
bulvə-n düü-vän sur-ad
 Булгун-EXT младший.брат-P.REFL просить-CV.ANT

küük-än *ög-äd* *täv-və*
 девочка-Р.REFL дать-CV.ANT класть-PST
 ‘«Это последняя из моих надежд», — сказала Булгун
 и, попросив брата, оставила ему свою дочь’.

Подробно рассмотрев синтаксические свойства конструкции с послелогом *gäc* и ограничения на состав ее участников в горномарийском языке, мы предложим аргументацию данной гипотезы.

3. Подъем посессора в конструкциях с послелогом *gäc*

3.1. Выражение посессора при послелогах со значением ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ

Послелог *gäc* допускает конструкции как с внутренним посессором в качестве зависимого, так и с подъемом посессора из послеложной группы. В первом случае внутренний посессор стоит в генитиве и входит в одну именную группу с вершиной-обладаемым, при этом *gäc* выступает в своем базовом значении ИСХОДНОЙ ТОЧКИ (1) или в других типологически ожидаемых значениях, о которых говорилось подробнее в разделе 2.1.

(26) *ädär* [*män'-än* *toma-em*]
 девушка я-GEN дом-POSS.1SG
 / [*pet'a-n* *toma(-žä)*] *gäc* *läkt-än*
 Петя-GEN дом(-POSS.3SG) EL выходит-PRET
 ‘Девушка вышла из моего дома / Петиного дома’.

Однако при употреблении послелога *gäc* в исследуемом нами значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах контакта и физического воздействия конструкции с внутренним посессором в генитиве признаются носителями неграмматичными (27а). При глаголах контакта, в соответствии с [Кибрик 2003: 275], происходит «подъем посессора в исходную позицию, занимаемую генитивной группой, сопровождаемый экстрапозицией обладаемого (вершины генитивной именной группы) в “новую” аргументную приглагольную позицию», см. иллюстрации описанной трансформации в примерах (27б–в). Прямое дополнение в таких конструкциях может быть факультативно, если посессор выражен

местоимением, однако наличие посессивного маркера на обла-
даемом остается обязательным (27Г).

(27а) **vas'a pet'a-n kid-šä gäc sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
Ожид.: 'Вася ударил Петю по руке'.

(27б) *vas'a pet'a-n kid-šä-m sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG-ACC бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(27в) *vas'a pet'a-m kid-šä gäc sev-äl'-ä*
Вася Петя-ACC рука-POSS.3SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(27Г) *vas'a (män'-äm) kid-em gäc sev-äl'-ä*
Вася я-ACC рука-POSS.1SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил меня по руке'.

В то же время пролативный послелог *mäčkä*, который также может маркировать точку контакта (подробнее см. раздел 2), до-
пускает как подъем посессора из послеложной группы в позицию
прямого дополнения (28а), так и конструкции с генитивным вну-
тренним посессором в составе послеложной группы (28б).

(28а) *vas'a pet'a-m kid-šä mäčkä sev-äl'-ä*
Вася Петя-ACC рука-POSS.3SG по бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(28б) *vas'a pet'a-n kid-šä mäčkä sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG по бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

3.2. Глаголы в конструкции с подъемом посессора

Подъем посессора в конструкции с *gäc* возможен далеко не
со всеми глаголами. На глагольные лексемы накладываются два
ограничения: семантическое и грамматическое. В первую оче-
редь, подъем посессора при *gäc* возможен только с переходными
глаголами. Помимо того, это должны быть глаголы, обозна-
чающие контакт или физическое воздействие, т. к. только в этом
случае возникает необходимость маркировать точку приложения.
О необходимости для подъема посессора наличия у предиката

семантического компонента физического воздействия и физического затрагивания посессора говорилось также в работах [Shibatani 1994; Payne, Barshi 1999; Deal 2017]. Обоим требованиям удовлетворяют, например, такие глаголы, как *seväläs* ‘бить’ (например, по голове), *niältäs* ‘гладить’ (по руке), *päräläs* ‘кусать’ (за руку), *šäpšalaš* ‘целовать’ (в щеку), *šäpšaš* ‘тянуть’ (за хвост).

Аналогичные конструкции с маркерами исходной точки описаны для финских диалектов Ингерманландии [Федотов 2012] и разновидности калмыцкого языка, распространенного в Кетченеровском районе Республики Калмыкия [Холодилова 2009]. Для последнего также отмечается возможность подъема посессора. В Таблице 1 приведены списки глаголов, возможных в исследуемых конструкциях этих двух языков и горномарийского³. Можно заметить, что в целом набор глаголов очень схож, однако по некоторым параметрам эти списки отличаются.

Во-первых, непереходные глаголы, способные присоединять зависимое, маркированное показателем исходной точки, в горномарийском языке проявляют чувствительность к одушевленности объекта: в паре предложений *Мальчик схватился за перила* и *Мальчик схватился за маму* во втором случае, в отличие от первого, носители горномарийского языка предпочитают употреблять конструкцию с аккузативом, а не с послелогом *gäs*. Во-вторых, наблюдаются и лексические различия: в калмыцком языке, в отличие от горномарийского, подъем посессора невозможен при глаголах со значениями ‘гладить’, ‘бить’, ‘лягать’, ‘порезать’. Для калмыцкого несочетаемость некоторых глаголов контакта с именной группой, маркированной показателем исходной точки (аблативом), объясняется тем, что в конструкции с внешним посессором возможен и другой падеж, инструменталис. В работе [Холодилова 2009] обсуждаются семантические характеристики, которыми обусловлен выбор падежа (аблатива или инструменталиса) в конструкции с внешним посессором. Действиям, для описания которых «выбирается» маркирование именной группы показателем исходной точки, присущи такие

³ Для других языков, упомянутых в разделе 2.3, в нашем распоряжении нет подробных списков возможных в аналогичной конструкции глагольных лексем.

признаки, как «немгновенное и плотное взаимодействие с поверхностью», «движение “на себя”, в сторону Агенса» и др. Что касается межъязыкового сравнения, на наш взгляд, на основе лексического распределения по трем языкам трудно сделать какие-либо выводы, однако данные большей выборки могут выявить интересные семантические закономерности.

Таблица 1. Сравнение маркирования ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ в конструкциях с глаголами физического контакта в диалектах финского языка, калмыцком и горномарийском языках⁴

Table 1. Contact point marking in construction with physical contact verbs in Ingrian Finnish, Kalmyk and Hill Mari

Перевод глагола	Данные ингерманландского диалекта финского языка [Федотов 2012]	Возможность конструкции с маркером исходной точки	Данные калмыцкого языка [Холодилова 2009]	Возможность конструкции с маркером исходной точки	Данные горномарийского языка	Возможность конструкции с маркером исходной точки
хватать (за хвост)	<i>kuapata, ottà kī</i>	+			<i>xvatajaš</i>	+
держать	<i>pittä</i>	+	<i>bär-</i>	+	<i>kêčaš</i>	+
кусать (за ногу)	<i>purra</i>	+	<i>xaz-, zuu-</i>	+	<i>pêraš</i>	+
привязывать	<i>sittò</i>	+			<i>jalštaš</i>	+

⁴ Плюс (+) указывает на возможность конструкции с маркером исходной точки при данном глаголе, звездочка (*) — на ее отсутствие. Знак вопроса (?) означает, что при данном глаголе предпочтительна конструкция с другим маркированием, однако маркирование при помощи показателя исходной точки допускается. Пустые ячейки появляются в Таблице 1 в случае отсутствия соответствующих данных. Серым выделены ячейки с глаголами горномарийского языка, которые в рассматриваемых языках отличаются в отношении маркирования участника со значением ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ от их эквивалентов в других сравниваемых языках.

(за рога)						
ловить	<i>suahha kī,</i> <i>tavata</i>	+			<i>kāčaš</i>	+
тащить, тянуть	<i>tassī, tukistā,</i> <i>vettää</i>	+	<i>čir-</i> , <i>tat-</i>	+	<i>šāpšaš</i>	+
дернуть	<i>temmata</i>	+			<i>šāpšedāš</i>	+
щипать			<i>čimkə-</i>	+	<i>cāveštāš</i>	+
чесать (Васе руку)			<i>maaz-</i>	+	<i>āđāraš</i>	+
обнимать (за талию)			<i>tevər-</i>	+	<i>eltälāš</i>	+
брать (за руку)			<i>av-</i>	+	<i>nälāš</i>	+
колоть (в плечо)			<i>šaa-</i>	+	<i>šāraš</i>	+
целовать			<i>ūmsə-</i>	+	<i>šāpšalāš</i>	+
тыкать			<i>xatzə-</i>	+	<i>šāralāš</i>	+
гладить (по животу)			<i>il-</i>	?	<i>niältāš</i>	+
лягать			<i>iškəl-</i> , <i>xäär-</i>	?	<i>čāmalaš</i>	+
бить			<i>cokə-</i>	*	<i>sevälāš</i>	+
бросать (в голову)			<i>šiv-</i>	*	<i>šuaš</i>	*
порезать (Васе палец)			<i>täär-</i>	*	<i>pāčkāš</i>	+
попадать (в голову)			<i>tisə-</i>	*	<i>tāknāš</i>	*
стрелять			<i>xa-</i>	*	<i>liūš</i>	*
держаться (за рукав) (неперех.)	<i>pittā kī</i>	+			<i>kāčaltaš</i>	+/*
цепляться (неперех.)	<i>tarttū</i>	+			<i>čiktältāš</i>	+/*

Данное сравнение лексем может также помочь в установлении того, от какого значения происходит исследуемое значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. Для финского языка в [Федотов 2012] были описаны глаголы наподобие ‘тянуть’, ‘тащить’, ‘хватать’ и схожие (см. Таблицу 1), предполагающие некоторый немгновенный и плотный контакт с поверхностью предмета и каузируют его движение «на себя», т. е. на Агенса. В траектории этого движения выделяется исходная точка, из которой потом перемещается предмет, из-за чего в описываемой работе для значения ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элатива используется соответствующее название — каптатив (от лат. *captare* ‘ловить, хватать’). Данные

финского языка поддерживают гипотезу о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ возникает из базового значения ИСХОДНОЙ ТОЧКИ. Тем не менее, как можно увидеть в той же Таблице 1, список горномарийских глаголов, которые могут использоваться в конструкции с подъемом посессора и маркером исходной точки, в отличие от финских, не ограничивается лексемами, описывающими каузацию движения на себя из исходной точки. Ситуации, описываемые глаголами ‘бить’, ‘целовать’, ‘обнимать’ и др., совсем иные, и непонятно, как можно было бы объяснить возможность их употребления в рассматриваемой нами конструкции с помощью сценария, предполагающего семантическое развитие ИСХОДНАЯ ТОЧКА > ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ.

3.3. Типы посессивных отношений в конструкциях с подъемом посессора

Подъем посессора при глаголах контакта возможен не для всех типов посессивных отношений. В Таблице 2 в первом столбце приведен инвентарь посессивных отношений по [Кибрик 2003], во втором обозначена возможность или невозможность подъема посессора при описании этих отношений в горномарийском языке, в третьем указан номер примера, иллюстрирующего конструкцию с указанным видом посессивных отношений. Отдельно отметим, что отношение ‘обладатель — обладаемое’ в конструкции с внешним посессором возможно только для надетой на Пациенса одежды или других аксессуаров, с которыми у Пациенса есть физический контакт (рюкзак, кольцо, очки и т. д.). Так, пример (29) грамматичен только в том случае, если точкой приложения является надетое, а не висящее в шкафу пальто. Подобное отношение специально выделяется, например, в [Haspelmath 1999].

Таблица 2. Подъем посессора при различных типах посессивных отношений в конструкциях с глаголами физического контакта в горномарийском языке

Table 2. Possessor raising and types of possessive relations in constructions with physical contact verbs in Hill Mari

Тип посессивного отношения	Возможность подъема посессора при глаголах контакта	Номер примера
Обладатель — Обладемое	+	(29)
Обладатель — Часть тела	+	(30)

Целое — Часть	+	(31)
Родство	–	(32)
Социальное отношение	–	
Членство	–	(33)

- (29) *pet'a maša-m pal'to gǎc tǎk-äl-ǎn*
 Петя Маша-ACC пальто EL тыкать-ATT-PRET
 [Маша надела пальто] ‘Петя потрогал Машино пальто’.
 *[Машино пальто висит в шкафу] ‘Петя потрогал Машино пальто’.
- (30) *pet'a maša-m šǎrgǎ-žǎ gǎc šǎpšal-ǎn*
 Петя Маша-ACC щека-POSS.3SG EL целовать-PRET
 ‘Петя поцеловал Машу в щеку’.
- (31) *pet'a tavar-ǎm kǎčem gǎc*
 Петя топор-ACC рукоять EL
kǎč-a
 держать-NPST.3SG
 ‘Петя держит топор за рукоятку’.
- (32) **pet'a maša-m ǎžǎ / tǎng gǎc*
 Петя Маша-ACC старший.брат друг EL
sev-äl-ǎn
 бить-ATT-PRET
 Ожид.: ‘Петя ударил Машиного брата / друга’.
- (33) **pet'a kolhoz-ǎm člen gǎc sev-äl-ǎn*
 Петя колхоз-ACC член EL бить-ATT-PRET
 Ожид.: ‘Петя ударил члена колхоза’.

Заметим, что перечисленные классы употреблений и запреты находятся в полном соответствии с типологическими данными о конструкциях с внешним посессором (см. [König 2001]) и вписываются в семантическую иерархию отчуждаемости. Согласно данной иерархии, подъем посессора скорее ожидаем в левой части шкалы, чем в правой: наиболее часто он возникает при обозначении части тела, далее на шкале расположена одежда, другие контекстуально связанные вещи реже появляются в конструкции с подъемом посессора.

The Inalienability Hierarchy

(EP constructions are favored if the possessum is a body part > garment > other contextually unique item
[Haspelmath 1999: 112]

Как видно из примеров с подъемом посессора при глаголах контакта, послеложной группой с *găc* маркируется какая-либо часть Пациенса. Данный факт может служить подтверждением гипотезы о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного маркера связано со значением ЭЛЕКТИВА. Важно, что между элементами множества должен быть физический контакт. При таком подходе целым множеством является Пациенс, он маркируется аккузативом и выдвигается в позицию прямого дополнения. Из него выбирается некоторая часть: глагол вводит ситуацию, когда она является точкой приложения силы Агенса, с ней осуществляется контакт и она является зависимым послелогом *găc*. Возможность конструкции «Пациенс-АСС Часть *găc*» характеризуется наличием таких посессивных отношений, как ‘Обладатель — Часть тела’, ‘Целое — Часть’ и частично (только в случае надетой одежды и других вещей, с которым у Пациенса имеется тесный физический контакт) ‘Обладатель — Обладемое’ (см. Таблицу 2). О том, что в конструкциях с внешним посессором часть и целое должны быть обязательно соединены, писалось также в [Baker 1999; Fried 1999; O’Connor 2007].

Заметим, что эти отношения можно обобщить до прототипического посессивного отношения ‘целое — часть’. Таким образом, именно в этих типах отношений посессор может рассматриваться как целое множество, из которого выбирается некоторая часть для осуществления контакта. Выражение же личностных (социальных или семейных) отношений в конструкции с подъемом посессора недопустимо. Этот запрет доказывает, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ происходит из значения ЭЛЕКТИВА и между элементами этого множества подразумевается наличие посессивных отношений типа ‘целое — часть’.

Кроме того, посессивные отношения, по-видимому, должны не только противопоставлять прямое дополнение как целое множество и послеложное зависимое как часть. При наличии только этого условия предложение (33) было бы грамматичным. Его неграмматичность говорит о следующем: необходимые отно-

шения ‘целое — часть’ требуют также физического контакта между целым множеством и его частью (см. (не)возможность разных интерпретаций примера (29)) и допускают только буквальное отношение включения. Именно поэтому более абстрактное отношение ‘Членство’ невозможно выразить в конструкции с подъемом посессора. Несмотря на то, что член колхоза в примере (33) является некоторой выбранной из множества (колхоза) частью, физический контакт между частью и целым при данном семантическом отношении невозможен, а отношения ‘целое — часть’ здесь не буквальные, поскольку целое здесь не является физически целым объектом.

3.4. Информационная структура и подъем посессора

В работе [Холодилова 2009: 85] обсуждается фактор информационной структуры, от которого может зависеть наличие / отсутствие подъема посессора при глаголах контакта в калмыцком языке. Возможность подъема посессора определяется степенью вовлеченности посессора в ситуацию. Конструкция с внешним посессором грамматична только в том случае, когда посессор является частью топика и основной темой предложения (34а). Если же топиком является нечто иное (например, собеседник), то подъем посессора невозможен (34б).

(34а) *bičä noxa-gə /^{OK}noxa-n*
 NEG.IMP собака-ACC собака-GEN
süül-äsə-h' tatə-Ø!
 хвост-ABL-P.3 тянуть-IMP
 ‘Не хватай собаку за хвост!’ {Ей же больно!} [Холодилова 2009: 85]

(34б) *bičä noxa-n / *noxa-gə kirtä*
 NEG.IMP собака-GEN собака-ACC грязный
süül-äsə-h' bärə-Ø!
 хвост-ABL-P.3 держать-IMP
 ‘Не хватай собаку за (ее) грязный хвост’ (букв.: ‘Не хватай за грязный хвост собаки’.) {Ты испачкаешь руки}. [Там же]

Для горномарийского, однако, коммуникативный фактор не работает — носители языка предпочитают конструкцию с внеш-

ним посессором вне зависимости от того, входит ли в топик Обладанное (35а) или Обладатель (35б).

(35а) <i>pi-n</i>	<i>pač-ăžă</i>	<i>lävărăn,</i>	
собака-GEN	хвост-POSS.3SG	грязный	
<i>pi-m</i>	<i>/^{??}pi-n</i>	<i>pač(-šă)</i>	<i>găc</i>
собака-ACC	собака-GEN	хвост(-POSS.3SG)	EL
<i>ik</i>	<i>tăkäl</i>		
PROH.2SG	трогать		
‘Хвост собаки очень грязный, не трогай хвост собаки!’			

(35б) <i>pi-n</i>	<i>karšt-a,</i>	<i>ik</i>
собака-GEN	болеть-NPST.3SG	PROH.2SG
<i>tăkäl</i>	<i>pi-m</i>	<i>/^{??}pi-n</i>
трогать	собака-ACC	собака-GEN
<i>pač(-šă)</i>	<i>găc</i>	
хвост(-POSS.3SG)	EL	
‘Собаке больно, не трогай хвост собаки!’		

4. Итоги

Таким образом, мы обнаружили, что в горномарийском языке элативный показатель *găc* имеет развитую сеть пространственных значений. Некоторые из них типологически предсказуемы: такие как ТОЧКА ОТСЧЕТА, НАЧАЛО ВРЕМЕННОГО ОТРЕЗКА, ПАССИВНЫЙ ИСТОЧНИК, ЭТАЛОН СРАВНЕНИЯ, МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ЭЛЕКТИВ и др. Элативный послелог *găc* также может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ при некоторых глаголах контакта, что является отчасти противоположным значением по отношению к базовому элативному. Подобное явление наблюдается в нескольких языках (как генетически родственных, так и не родственных горномарийскому), однако в типологических работах по полисемии пространственных показателей данный факт не отражен.

В конструкциях с рассмотренными глаголами в горномарийском происходит подъем посессора, он возможен только с переходными глаголами контакта и физического воздействия. В других языках, по которым у нас имеются подробные данные, конструкция с элативом (и подъемом посессора) появляется при сходных по значению глаголах, но с отдельными глаголами на-

блюдается варьирование. Широкое типологическое исследование глаголов, для которых возможен подъем посессора в конструкциях с элативным показателем, может выявить интересные семантические закономерности распределения этих глаголов.

Мы предположили, что элативный маркер развивает значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ из значения ЭЛЕКТИВА, где часть, с которой осуществляется контакт, выбирается из целого множества, занимающего позицию прямого дополнения. Наша гипотеза подтверждается набором посессивных отношений, для которых возможен подъем посессора: это частные случаи отношения 'часть — целое' ('Обладатель — Часть тела', 'Целое — Часть' и частично 'Обладатель — Обладемое'), но не личностные семейные или социальные отношения.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ANT — предшествование; AOR — аорист (1-е прошедшее время); ATT — аттенуатив; CMPR — компаратив; CONV / CVB — конверб; DEST — дестинатив; DUR — дуратив; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; IMP — императив; ITER1 — итератив; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; PART — партитив; PL — множественное число; POSS / P — посессивность; PRET — претерит (2-е прошедшее время); PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев 1983 — В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // В. М. Вахрушев (ред.). Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 563–591.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
- Ганенков 2002a — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Ганенков 2002b — Д. С. Ганенков. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация простран-

- ственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 35–56.
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПбГУ, СПб., 2002.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Колядёнков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
- Кошкарёва (общ. ред.) 2010 — Н. Б. Кошкарёва (общ. ред.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.
- Федотов 2012 — М. Л. Федотов. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 1. С. 371–445.
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 76–93.
- Цыганкин (ред.) 1980 — Д. В. Цыганкин (ред.). Грамматика мордовских языков. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1980.
- Alhoniemi 1975 — A. Alhoniemi. Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation // V. Hallap (ed.). *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17–23.VIII.1970: Acta Linguistica. Pars I*. Tallinn: Valgus, 1975. P. 463–469.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Baker 1999 — M. Baker. External possession in Mohawk: Body parts, incorporation and argument structure // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession. (Typological Studies in Language 39)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 293–323.
- Creissels 2006 — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion: A typological

- study // M. Hickmann, S. Robert (eds.). *Space in Languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.
- Creissels 2008 — D. Creissels. *Spatial cases* // A. Malchukov, E. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Deal 2017 — A. R. Deal. *External possession and possessor raising* // M. Everaert, H. C. van Riemsdijk (eds.). *The Companion to Syntax*. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2017. P. 1509–1540.
- Fried 1999 — M. Fried. *From interest to ownership: A constructional view of external possessors* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 473–504.
- Hakulinen 1961 — L. Hakulinen. *The Structure and Development of the Finnish Language* (transl. by J. Atkinson). Bloomington, IN; The Hague: Indiana University; Mouton & Co., 1961.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. *External possession in a European areal perspective* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar* (transl. by A. Chesterman). London; New York: Routledge, 1999.
- König 2001 — E. König. *Internal and external possessors* // M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Reible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. In 2 vols. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 20). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 970–978.
- Levin 2012 — B. Levin. *Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description*. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. *Areal dimensions in case syncretism: Ablatives and genitives*. Paper presented at Association for Linguistic Typology Biannual Meeting. Paris, France, September 2007.
- O'Connor 2007 — M. C. O'Connor. *External possession and utterance interpretation: A crosslinguistic exploration* // *Linguistics*. 2007. Vol. 45. P. 3. P. 577–613.
- Payne & Barshi 1999 — D. L. Payne, I. Barshi. *External possession: What, where, how, and why* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 3–31.
- Shibatani 1994 — M. Shibatani. *An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives* // *Proceedings of the*

- Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 18–21, 1994: General Session Dedicated to the Contribution of Charles J. Fillmore. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1994. P. 461–486.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. (Languages of the World: Materials 212). München: Lincom Europa, 2001.

References

- Alatyrev 1983 — V. I. Alatyrev. Kratkiy grammaticheskiy ocherk udmurtskogo yazyka [A sketch of Udmurt grammar]. V. M. Vakhrushev (ed.). *Udmurtsko-russkiy slovar* [Udmurt-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1983. P. 563–591.
- Alhoniemi 1975 — A. Alhoniemi. Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation. V. Hallap (ed.). *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17–23.VIII.1970: Acta Linguistica*. Pars I. Tallinn: Valgus, 1975. P. 463–469.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens). Hamburg: Buske, 1993.
- Baker 1999 — M. Baker. External possession in Mohawk: Body parts, incorporation and argument structure. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 293–323.
- Creissels 2006 — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion: A typological study. M. Hickmann, S. Robert (eds.). *Space in Languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.
- Creissels 2008 — D. Creissels. Spatial cases. A. Malchukov, E. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Deal 2017 — A. R. Deal. External possession and possessor raising. M. Everaert, H. C. van Riemsdijk (eds.). *The Companion to Syntax*. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2017. P. 1509–1540.
- Fedotov 2012 — M. L. Fedotov. Polisemiya pokazateley ablativa i elativa v finskikh govorakh Tsentralnoy Ingermanlandii [Polysemy of ablative and elative markers in the Finnish varieties of Central Ingria]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 1. P. 371–445.
- Fried 1999 — M. Fried. From interest to ownership: A constructional view of external possessors. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*.

- (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 473–504.
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka [Historical Grammar of Mari]. Pt. 1: Morfologiya [Morphology]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964.
- Ganenkov 2002a — D. S. Ganenkov. Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley [Polysemy patterns of spatial markers]. MA Thesis. Moscow State University, Moscow, 2002.
- Ganenkov 2002b — D. S. Ganenkov. Tipologiya padezhnykh znacheniy: semanticheskaya zona prolativa [Typology of case meanings: Prolative semantic zone]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in Theory of Grammar]. Pt. 2: *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira* [Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World]. Moscow: Russkiye slovari, 2002. P. 35–56.
- Hakulinen 1961 — L. Hakulinen. The Structure and Development of the Finnish Language (transl. by J. Atkinson). Bloomington, IN; The Hague: Indiana University; Mouton & Co., 1961.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. Finnish: An Essential Grammar (transl. by A. Chesterman). London; New York: Routledge, 1999.
- Kibrik 2003 — A. E. Kibrik. Konstany i peremennyye yazyka [Constants and Variables of Language]. St. Petersburg: Aleteya, 2003.
- Kolyadenkov, Zavodova (eds.) 1962 — M. N. Kolyadenkov, R. A. Zavodova (eds.). Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov [Mordvin (Moksha and Erzya) Grammar]. Pt. 1: Fonetika i morfologiya [Phonetics and Morphology]. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.
- Koshkareva (ed.) 2010 — N. B. Koshkareva (ed.). Dialektologicheskii slovar nenetskogo yazyka [Dialectological Dictionary of Nenets]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- Kholodilova 2009 — M. A. Kholodilova. Konstruktsiya s periferiynym obladayemym v kalmyskom yazyke [The peripheral possessum construction in Kalmyk]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 76–93.
- König 2001 — E. König. Internal and external possessors. M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Reible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. In 2 vols. (Hand-

- bücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 20). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 970–978.
- Levin 2012 — B. Levin. Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. Areal dimensions in case syncretism: Ablatives and genitives. Paper presented at Association for Linguistic Typology Biannual Meeting. Paris, France, September 2007.
- Novikova 1960 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka: ol'skiy govor [Sketches of Even dialects: Ol Subdialect]. Pt. 1. Moscow; St. Petersburg: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- O'Connor 2007 — M. C. O'Connor. External possession and utterance interpretation: A crosslinguistic exploration. *Linguistics*. 2007. Vol. 45. No. 3. P. 577–613.
- Payne & Barshi 1999 — D. L. Payne, I. Barshi. External possession: What, where, how, and why. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 3–31.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Shibatani 1994 — M. Shibatani. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 18–21, 1994: General Session Dedicated to the Contribution of Charles J. Fillmore*. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1994. P. 461–486.
- Sorokina 2010 — I. P. Sorokina. Enetskiy yazyk [The Enets Language]. St. Petersburg: Nauka, 2010.
- Tsygankin (ed.) 1980 — D. V. Tsygankin (ed.). Grammatika mordovskikh yazykov [Mordvin Languages Grammar]. Saransk: Mordvin State University Press, 1980.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. (Languages of the World: Materials 212). München: Lincom Europa, 2001.
- Zorina 2002 — O. V. Zorina. Istoriya i sovremennoye sostoyaniye padezhnoy sistemy gornomariyskogo yazyka [History and modern state of Hill Mari case system]. PhD Thesis. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2002.